

Новые формы исламского гражданского общества в Центральной Азии

Диалог. Краткий отчет
Май 2021 года

THE OXUS SOCIETY
FOR CENTRAL ASIAN AFFAIRS

ENC • •
ENCouncil.org

European Neighbourhood Council

the Hollings Center
for international dialogue

Диалог. Краткий обзор

Несмотря на то, что уровни религиозности в Центральной Азии разные, более 85% жителей региона причисляют себя к мусульманам. Подавляющее большинство от этого числа является последователями суннитско-ханафитской школы юриспруденции, а свыше 100 тысяч памирцев в Таджикистане соблюдают каноны шиитского исмаилизма.¹ Спустя почти 30 лет после распада Советского Союза многие жители Центральной Азии, особенно молодое поколение, требуют, чтобы ислам стал играть ключевую роль в общественной и частной жизни. Но власти Центральной Азии установили строгие светские режимы, причислили определенные религиозные действия к угрозе национальной безопасности и назвали их “нетрадиционными” и “экстремистскими”. Тем не менее, несмотря на сложившуюся ситуацию, исламские субъекты гражданского общества получили широкое распространение и участвуют в различных мероприятиях, среди которых – мероприятия по образованию, заботе о душе, миростроительству, оказанию поддержки и адвокации. Большая часть респондентов еще неопубликованного опроса, который провели в Таджикистане и Кыргызстане, выбрала вариант получения поддержки от исламских благотворительных организаций, а не от светских.

"Общество Оксус по Центральной Азии" и "Европейский Совет добрососедства" собрали группу экспертов, представителей гражданского общества и представителей государственной власти для того, чтобы последние в ходе трех сессий, которые прошли в формате Диалога с февраля по март 2021 года, обсудили вопросы появления исламского гражданского общества в Кыргызстане, Казахстане, Таджикистане и Узбекистане, а также обсудили благотворительные организации, мечети, неправительственные организации (НПО) и средства социального общения. Участники рассмотрели следующие вопросы:

- Какое определение можно дать исламскому гражданскому обществу? Полезен ли такой подход?
- Насколько популярно исламское гражданское общество в Центральной Азии?
- Как Covid-19 влияет на роль исламского гражданского общества в регионе?
- Является ли исламское гражданское общество потенциальным источником стабильности, безопасности и развития человека?
- Какие существуют возможности для проведения диалога с привлечением гражданского общества и использованием поддержки со стороны НПО и государства?

В основном, у каждого из участников Диалога был свой собственный взгляд на большую часть вопросов, но в общих чертах участники смогли согласиться в следующем:

¹ Michael Lipka. “Muslims and Islam: Key Findings in the U.S. and around the World.” *Исследовательский центр Пью*, 9 августа 2017 года, www.pewresearch.org/fact-tank/2017/08/09/muslims-and-islam-key-findings-in-the-u-s-and-around-the-world.

- **Значение исламского гражданского общества в Центральной Азии растет**, но эта тема еще недостаточно изучена.
- Хотя согласованного определения исламского гражданского общества не существует, в него **входят шесть типов субъектов: мечети, махалли, благотворительные организации, НПО, джамааты и муфтияты**,² которые организуют свою деятельность в соответствии с исламскими нормами и моралью.
- **Пандемия Covid-19 укрепила исламское гражданское общество** и выявила слабые стороны государственного управления, а также предоставила возможность для появления новых лиц на рынке оказания услуг местному населению.
- **Динамика исламского гражданского общества не статична в разных уголках центральноазиатского региона**: в Кыргызстане – наибольшее количество групп, в Таджикистане – наименьшее (Туркменистан в данном докладе не рассматривается).
- **Светские режимы ограничили рост исламского гражданского общества в регионе**, т.к. для них рост религиозных настроений ассоциируется с альтернативным источником легитимности и потенциальной угрозой социальному порядку.

Результатом диалоговых сессий стал этот итоговый отчет, а также два подкаста и видео.³

² Эта типология была создана Эмилем Насритдиновым и Себстиеном Пейрузом для предстоящего отчета для Института мира США. Определения данных терминов приводятся в отчете дальше.

³ См .: <http://www.encouncil.org/enc-in-depth-podcast-emerging-forms-of-islamic-civil-society-in-central-asia/>

Новые формы исламского гражданского общества в Центральной Азии

Отчет подготовили: Эдвард Лемон, Общество Оксус по Центральной Азии; Самюэл Довери Вестербай, Европейский Совет добрососедства; Брэдли Жардин, Общество Оксус по Центральной Азии

Определение исламского гражданского общества

Под гражданским обществом широко понимают сферу ассоциативной жизни вне личности или семьи, и государства.⁴ Мыслящие здраво теоретики отмечают, что гражданское общество относится к группам людей, которые работают над преодолением проблемы коллективного действия. Другими словами, ассоциации используются для того, чтобы направить корыстных индивидуумов к общим целям, которые представляют интерес для большей группы людей.⁵ Кто-то рассматривает концепцию гражданского общества как исключительно западноевропейскую конструкцию, которая возникла в результате разделения частной и общественной сфер власти в ранний современный период, и которую концептуализировали такие мыслители эпохи Просвещения, как Джон Локк, Иммануил Кант, Шарль де Монтескье, Г. В. Ф. Гегель и Алексис де Токвиль.⁶ Некоторые ученые сомневаются в возможности существования гражданского общества в мусульманском мире, утверждая, что в нем отсутствуют два основных принципа гражданского общества: индивидуализм и демократия.⁷

Но другие оспаривают это утверждение, заявляя, что ни индивидуализм, ни демократия не являются необходимым условием существования гражданского общества.⁸ Для большинства это понятие гораздо шире, т.к. оно относится к многочисленным формам объединения, формированию групп по интересам, взаимной поддержке и солидарности, которые существуют в различных обществах и политической среде.⁹ Гражданское

⁴ Ван Дуайк определяет гражданское общество как экосистему “организованных и органических социальных и культурных отношений, существующих в пространстве между государством, бизнесом и семьей, которая опирается на местные и внешние знания, ценности, традиции и принципы для содействия сотрудничеству и достижению конкретных целей между гражданами и другими заинтересованными сторонами”. См.: Charles Kojo VanDyck. “Concept and Definition of Civil Society Sustainability”, Центр стратегических и международных исследований, 2017, стр. 1.

⁵ James Manor, Mark Robinson и Gordon White. “Civil Society and Governance: A Concept Paper.” Концептуальная записка, 1999, стр. 4

⁶ Gianfranco Poggi. The Development of the Modern State: A Sociological Introduction. Издательство Стэнфордского университета, 1978.

⁷ Ernest Gellner. Conditions of Liberty. Хеймиш Хамилтон Лтд., 1994; John Hall. Civil Society: Theory, History, Comparison. 1-е изд., Полити, 1995.

⁸ Kamali Masoud. “Civil Society and Islam: A Sociological Perspective.” *Европейский социологический журнал*, 42-е издание, № 3, 2001, стр. 457-82.

⁹ Aryn Sajoo. Civil Society in the Muslim World: Contemporary Perspectives. I. B. Tauris, 2002; Jude Howell. Civil Society & Development: A Critical Exploration. Британское издание, Изд. Lynne Rienner, 2002.

общество – это нечто большее, чем просто совокупность организаций, которые преследуют интересы своих членов. Оно может быть пространством, где у граждан есть право выражать свои потребности. Подобные ассоциации также создают более глубокое чувство принадлежности. Гражданское общество опирается на солидарность, которая зиждется на понятиях социальной справедливости. Как утверждал Дюркгейм: “Социальная солидарность – это полностью моральный феномен.”¹⁰ Религия может быть частью этой картины.¹¹

В Центральной Азии общественные организации все чаще стараются позиционировать себя “исламскими”. Ислам поощряет формы совместной жизни и взаимной поддержки, заселяя жизненный мир, который отличается от светского. Многие участники процесса опираются на концепцию перераспределительной справедливости, которая основана на таких принципах Корана как: *садака* (благотворительность) и *закят* (подаяние). Как отмечает Муссалли, “название первой исламской общины – ‘аль-муджтама’ аль-мадани’ (гражданское общество)”, группа солидарности верующих.¹² С момента рождения ислама существуют разные формы исламского гражданского общества. Например, ряд ученых утверждает, что существование независимого улема во многих мусульманских обществах было основной формой гражданского общества.¹³ Они пользовались экономической независимостью через *вакф* (религиозные пожертвования) и *закят* (религиозные налоги), а также с помощью *иджтихада* – толкования Корана и хадисов – они использовали законность для того, чтобы направить людей на путь истинный. Они были советниками правителей и выступали в качестве посредников между последними и обычным народом.¹⁴ По своей сути, эти организации стремятся к гражданскому участию в соответствии с религиозной практикой, т.к. часто оказывают поддержку консервативным идеям в отношении таких вопросов, как гендерная проблематика. Либо они делают акцент на выказывании уважения к пожилым людям, или акцентируют превалирование общинных ценностей над либеральным индивидуализмом. Настороженность в отношении религиозных ярлыков

Являются ли организации или отдельные лица частью исламского гражданского общества в силу того, что они позиционируют себя как исламские?

Идет ли речь об источниках финансирования?

Следует ли его определять в противовес светскому гражданскому обществу?

¹⁰ Emile Durkheim. *Division Of Labor In Society*. Free Press, 2014, стр.24

¹¹ Mark Juergensmeyer. *Religion in Global Civil Society*. Издательство Оксфордского университета, 2005; Jose Casanova. “Civil Society and Religion: Retrospective Reflections on Catholicism and Prospective Reflections on Islam.” *Social Research*, изд.68, № 4, 2001; Richard Falk. “Global Civil Society: Perspectives, Initiatives, Movements.” *Oxford Development Studies*, изд. 26, № 1, 1998.

¹² Ahmad Moussali. “Modern Islamic Fundamentalist Discourses on Civil Society, Pluralism and Democracy” in Norton, Richard. (изд.), *Civil Society in the Middle East*. Brill, 1995, стр. 83.

¹³ Kamali Masoud. “Civil Society and Islam: A Sociological Perspective.” *European Journal of Sociology*, изд. 42, № 3, 2001, стр. 457–82; Mahmood Ibrahim. *Merchant Capital and Islam*. Издательство Техасского университета, 1990.

¹⁴ Mahmood Ibrahim. *Merchant Capital and Islam*. Издательство Техасского университета, 1990.

может стать причиной неадекватности, т.к. западные доноры не могут распознать потенциальные исламские пути политических реформ или то, как такие группы могут способствовать благополучию мусульманского населения.

На протяжении всего семинара некоторые участники сомневались в полезности исламского гражданского общества как концепции, утверждая, что, возможно, было бы разумнее не создавать ложной дихотомии между светским гражданским обществом и исламским гражданским обществом. Другие участники отметили, что, когда люди упоминают гражданское общество в таких частях мусульманского мира, как Индонезия и Ближний Восток, они чаще всего ссылаются на религиозные организации. Одному участнику было трудно дать определение понятию «исламское гражданское общество». Являются ли организации или отдельные лица частью исламского гражданского общества в силу того, что они позиционируют себя как исламские? Идет ли речь об источниках финансирования? Следует ли его определять в противовес светскому гражданскому обществу? Важно отметить, что многие участники отметили потенциальные риски поощрения религиозных ярлыков, тем самым утверждая, что подобный подход может привести к фрагментации общества, а в некоторых случаях даже к насилию.

Исламское гражданское общество чрезвычайно динамично и разнообразно. Наряду с глубоко консервативными организациями и организациями, настроенными скептически по отношению к Западу, оно содержит в себе невообразимое скопление прозападных, про-женских и либерально ориентированных групп.

Часто под исламским гражданским обществом активисты, ориентированные на Запад, понимают общество, ценности которого противоположны традиционным либеральным ценностям. Но участники Диалога, которые много работали по этой теме на местах, посчитали такое мнение упрощенным. Они отметили, что исламское гражданское общество чрезвычайно динамично и разнообразно. Наряду с глубоко консервативными организациями и организациями, настроенными скептически по отношению к Западу, оно содержит в себе невообразимое скопление прозападных, про-женских и либерально ориентированных групп. Подобное разнообразие выходит за рамки идеологии и распространяется на более практические вопросы, которые включают в себя структуры финансирования и организационные иерархии. В

настоящее время в литературе существует значительный пробел в отношении применения исламских принципов и концепций в рамках деятельности гражданского общества. Для того чтобы провести серьезную дискуссию об исламском гражданском обществе, крайне важно выйти за рамки западных норм и концепций и попытаться понять, и определить новый словарь вовлечения гражданского общества, который был бы исламски ориентирован.

Отображение контуров исламского общества

Основываясь на типологии, которую они разработали для предстоящего исследовательского отчета для Института мира США, Эмиль Насритдинов и Себастьян

Пейруз предложили разделить субъектов исламского гражданского общества в Центральной Азии на следующие шесть типов:¹⁵

Участники дискуссии предложили разделить участников исламского гражданского общества в Центральной Азии в соответствии с шестикратной типологией:

1. Исламские НПО
2. Исламские благотворительные организации
3. Джамааты
4. Мечети
5. Муфтияты
6. Махалли

Определение каждого из этих субъектов будет представлено ниже. Также, будет представлен обзор их различных ролей, ресурсов и возможностей, которыми они обладают в рамках более широкого сообщества.

Исламские НПО

Из-за своего статуса и деятельности, которую они осуществляют, исламские НПО Центральной Азии самые разнообразные. Такие организации могут быть официальными или полуофициальными; местными, национальными или международными; также, они могут состоять из мизерного количества людей или из нескольких тысяч человек. Что касается их деятельности, в регионе исламские НПО занимаются всем: от вопросов благотворительности, которые включают в себя предоставление продовольствия, образования и помощи, связанной с Covid-19, до вопросов развития, которые включают в себя предоставление грантов местным бизнес-стартапам.

Успешные местные исламские организации гражданского общества включают в себя "Мутакалим", неправительственную организацию по защите прав мусульманских женщин в Кыргызстане, которая была создана в 1999 году, и офисы которой расположены по всей стране, и Фонд Ага Хана, который, в основном, функционирует в горах Памира, Таджикистан. Филиалы Фонда Ага Хана есть в Казахстане и Кыргызстане. По словам Эмиля Насритдинова и Себастиена Пейруза, большая часть НПО предпочитает оставаться в тени, т.к. опасается, что с ростом уровня их публичности правительства смогут вмешиваться в их деятельность.¹⁶

¹⁵ Emil Nasritdinov и Sebastien Peyrouse. "Is There Room for More Engagement with Muslim Civil Society in Central Asia? Disaggregating its Multiple Components, Approaches and Goals," Институт мира США, готовится к изданию.

¹⁶ Emil Nasritdinov и Sebastien Peyrouse. "Is There Room for More Engagement with Muslim Civil Society in Central Asia? Disaggregating its Multiple Components, Approaches and Goals," Институт мира США, готовится к изданию

Исламские благотворительные организации сыграли значительную роль в разрешении нерешенных проблем, возникших в результате пандемии COVID-19. Фотография: [Владимир Третьяков](#).

Исламские благотворительные фонды

Эти организации функционируют для сбора и распределения помощи. Иногда они существуют в форме коалиций, и часто – при поддержке доноров в Саудовской Аравии, ОАЭ и Катаре. По словам участников Диалога, наиболее распространенным видом их деятельности является строительство мечетей по всему региону. Кроме того, фонды участвуют в социальных проектах: они предоставляют возможность обучения, делают доступным лечение в больницах и стационарах, раздают мясо во время Курбан-Байрама и организуют традиционные приемы вечерней пищи в Рамадан – *ифтар*. Также, участники отметили, что некоторые из таких благотворительных фондов даже были задействованы в обеспечении поселений крайне необходимой инфраструктурой: проведение ирригационных сооружений и снабжение чистой водой.

К активным международным организациям относятся турецкий Фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи ИНН, а также Фонд помощи имама Хомейни (IKRF), иранская гуманитарная НПО по оказанию содействия, в основе которой лежат исламские ценности. До недавнего времени она была особенно активна в Таджикистане.

Джамааты

Джамааты – это форма группы, которая тесно придерживается исламских норм, что свидетельствует о том, что их организация и деятельность сильно отличаются друг от друга. Джамааты играют важную роль в формировании групповой идентичности и оказании взаимной помощи, которая может включать в себя изоляцию членов группы от общества и государства. По этим причинам правительства стран Центральной Азии часто относятся к деятельности джамаатов с подозрением. Также, исключительность джамаатов кроется в том, что они склонны к тому, чтобы видеть друг в друге соперников. Более того, часто они ищут своих сторонников в определенных демографических группах. По словам Эмиля Насритдинова, эти группы выполняют важнейшие социальные функции: помогают членам преодолеть всякого рода зависимость или проводят семинары по профессиональному развитию. Одним из таких заметных объединений является движение "Таблиги Джамаат", возникшее в Южной Азии. Оно которое занимается вербовкой новых членов и представляет из себя группу суннитов, основной целью которых является призыв людей к исламу. Движение "Таблиги Джамаат" (ТД) запрещено по всему региону, за исключением Кыргызстана. Его деятельность направлена на достижение благополучия уммы, как духовного, так и экономического. В то время как ТД является наиболее выдающимся движением, другие наиболее незаметные объединения, к которым относятся такие движения, как салафитское движение Мадхали в Казахстане или движение сторонников покойного Мухаммада Садыка Мухаммада Юсуфа, первого великого муфтия независимого Узбекистана, также имеют значение, хоть они и стараются не относить себя к организованным общественным движениям или не пытаются зарегистрироваться в качестве легальных организаций для того, чтобы избежать слишком большого внимания со стороны правительства. Центральноазиатские режимы видят угрозу в джамаатах. В мае 2005 года группу благочестивых бизнесменов, называвших себя "Биродарлар", но причисленных к "Акромия", арестовали в Андижане, Узбекистан, и обвинили в экстремизме. В ходе последовавшего за их арестом протеста и жестоких репрессий со стороны правительства были убиты сотни человек.

Мечети

После распада Советского Союза мечети олицетворяют собой жизненно важный канал исламской деятельности в Центральной Азии. Если в 1991 году в регионе насчитывали чуть более 400 официально зарегистрированных мечетей, то сейчас их количество превышает 10 000. В то время как все мечети зарегистрированы в правительстве, по своей структуре, мечети сильно различаются между собой: некоторые более институционализированы и функционируют по принципу "сверху вниз", в то время как другие работают более неформально и опираются на сообщества, функционирующие снизу. Также различаются и каналы поступления доходов. В то время как многие крупные мечети финансируются за счет государства, большая часть из опрошенных участниками мечетей действует за счет скромных бюджетов и обладает относительно

ограниченным функционалом. Как и в случае с исламскими НПО и фондами, мечети участвуют в общественной деятельности: они распределяют помощь среди бедных и служат в качестве источника образования среди тех общин, которые в этом нуждаются.

Важно отметить, что мечети являются важным центром социальной активности. Например, часто по вечерам они проводят "машвара", на которой прихожане собираются, чтобы оценить позитивное влияние сообщества за весь прошедший день, а также определить цели воздействия сообщества на последующий день. Машвара является основополагающим принципом не только мечетей, но и "махаллей" (районов) и "джамаатов". Результаты полевых исследований, которые Эмиля Насритдинов и Себстиена Пейруз провели в регионах, показали, что, в основном, мечети стремятся ориентироваться на мужчин, и в особенности, на представителей молодого поколения.

Муфтияты

Муфтияты – это бюрократическая структура в Центральной Азии, которая ответственна за управление официальной практикой ислама (законодательно закрепленной государством) и контролем за мечетями и традиционными практиками, которым следуют соответствующие священнослужители. Хотя принадлежность муфтиятов к центральному правительству зависит от государства, от них ожидается тесная координация с правительственными комитетами по делам религий и местными службами по государственной безопасности. Помимо своей роли в качестве институтов религиозного надзора, муфтияты также управляют паломничеством (*хадж*), т.к. предоставляют возможность для сбора средств за счет взяток, выполнения благотворительных функций, распределения продовольствия и помощи. Участники Диалога отметили, что о подобных мероприятиях практически не сообщается, и что о них мало кто знает.

Махалля

Махалли – традиционная форма организации общин на уровне районов в городах Центральной Азии – также являются самым низшим уровнем местного самоуправления в Узбекистане, на который возложена задача управления повседневной жизнью, наблюдения за населением, формирования этики и моральных норм небольших районов. Часть их общественной работы осуществляется через местные мечети. Тем самым, образуются симбиотические отношения. Махалли наиболее распространены в Узбекистане. Они оказывают помощь в проведении свадебных обрядов, обрезаний, похорон и других исламских традиций, которые считаются краеугольными камнями упорядоченного мусульманского общества.

Помимо этих шести участников исламского гражданского общества участники Диалога также обсудили медресе, которые играют значимую роль в процессе образования. Один из участников Диалога сообщил, что в то время, как в Таджикистане и

Туркменистане закрыли почти все медресе, в Кыргызстане многие родители предпочитают отправлять своих детей в медресе, чтобы те получили нравственное воспитание и приобрели точку зрения, отличную от той, которую навязывает правительство. Морально уязвимым молодым людям религиозное образование предлагает духовное руководство и социализацию в установленном социальном порядке.¹⁷

Различная специфика

Демография регионов также играет определенную роль в формировании развития исламского гражданского общества. Некоторые участники Диалога отметили, что данные, полученные в ходе их работы на местах, показали, что, как правило, большое число исламских организаций гражданского общества получает поддержку от неимущих или людей, испытывающих личные трудности. Другие участники отметили, что многие из этих субъектов признают демократические ценности, включая свободу вероисповедания и капиталистический подход к ведению частного бизнеса. Остальные участники явно выступали против западных ценностей и демонстрировали консервативные культурные ценности даже в том случае, когда в противовес советской экономике могли отдать предпочтение про-деловым отношениям.

Независимые центральноазиатские правительства секьюритизировали все формы несанкционированной религиозной деятельности, причислив их к "нетрадиционным" и "экстремистским".

Также, наблюдается расхождение между состоятельной, городской, русскоязычной интеллигенцией (которая, как правило, является прогрессивной и ориентированной на Запад) и бедными городскими/сельскими общинами, которые, как правило, общаются на местных языках и всячески придерживаются традиционных ценностей. Это очевидно в Кыргызстане, где религиозная активность, как правило, более заметна в южных районах страны, особенно в районе Оша и Баткена. Но экономические тенденции, как правило, размывают границы между религиозностью и секуляризмом. По словам участников Диалога, в Бишкеке, столице Кыргызстана, наблюдается рост религиозного гражданского общества, т.к. город наводняется мигрантами из сел, расположенных на юге страны.

В Узбекистане исламское гражданское общество получает все больше поддержки со стороны государства с тех пор, как после смерти президента Ислама Каримова в 2016 году страна начала вести политику открытости и изменила свою политику в отношении исламских организаций, а также начала продвигать те организации, которыми полностью управляет государство. Но эти организации продолжают функционировать

¹⁷ Manja Stephan. "Education, Youth and Islam: The Growing Popularity of Private Religious Lessons in Dushanbe, Tajikistan". *Central Asian Survey*, изд. 29, № 4, 2010, стр. 469–83.

по принципу "сверху вниз", который практически не обеспечивает услугами многие области, и в результате чего на низовом уровне остается некая область, в которой организации, финансируемые правительством, не реализуют общественные потребности.

В Таджикистане исламское гражданское общество относительно ограничено. Государство управляет и контролирует деятельность исламских групп гражданского общества. Фонд Ага Хана остается самой активной религиозной организацией гражданского общества в стране. Он также финансирует "Программу поддержки развития горных сообществ Таджикистана" и Университет Центральной Азии, кампус которого находится в Хороге. Единственную религиозную политическую партию региона – Партия исламского возрождения Таджикистана – запретили в 2015 году. Она участвовала в мероприятиях, среди которых были оказание чрезвычайной помощи и поддержка образования.

Казахстан – самая богатая страна в регионе, поставившая перед собой амбициозную цель к 2050 году войти в число 30 ведущих мировых экономик. Четверть населения в Казахстане исповедует христианство, и она составляет самое большое количество людей, принадлежащих к не мусульманскому меньшинству в стране. Правительство утверждает, что Казахстан – это пристанище для этнических и религиозных групп. В то время как сохраняются правительственные ограничения, появились группы, к которым относятся "Мейрим" и "Атамекен", и которые оказывают поддержку местному сообществу.

В Кыргызстане, самой открытой стране региона, хотя все еще и авторитарной, существуют самые разнообразные субъекты гражданского общества. Такие группы, как "Таблиги Джамаат", которые запрещены в других республиках, могут действовать в стране. Также, они могут открывать НПО наподобие "Мутакилим" и устанавливать устойчивые отношения с донорами.

Исламское гражданское общество и государство

Центральная Азия с ее укоренившейся культурой светского авторитаризма представляет собой враждебную среду для исламского гражданского общества. Независимые центральноазиатские правительства секьюритизировали все формы несанкционированной религиозной деятельности, причислив их к "нетрадиционным" и "экстремистским". Такое причисление определенных форм ислама к угрозе позволило правительствам узаконить меры по установлению дисциплины и осуществлению контроля за независимыми проявлениями ислама. В начале 1990-х годов в 1 статье конституций каждое из центральноазиатских государств провозгласило, что государство является "суверенным", "демократическим" и "светским". После периода относительной терпимости, который пришелся на начало 1990-х годов, в течение

Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев и президент Кыргызстана Садыр Жапаров. Узбекистан – одна из первых стран в регионе, которая объявила исламский экстремизм серьезной угрозой, и это привело к наложению ограничений в отношении исламского гражданского общества. Напротив, принимая во внимание популистскую позицию Жапарова, у исламского гражданского общества могла появиться возможность роста в Кыргызстане. Фото: [Викисклад](#).

последующих 20 лет правительства Центральной Азии использовали призрак исламского экстремизма для оправдания репрессий в отношении ряда политических оппонентов, журналистов и представителей гражданского общества. Это произошло на фоне авторитарной консолидации во всем регионе. Для вида, участие в “Глобальной войне с терроризмом” позволило странам Центральной Азии укрепить свою власть посредством “связи внутренней оппозиции с «международным терроризмом», даже тогда, когда на самом деле никаких связей не существует”.¹⁸

Узбекистан стал первым государством Центральной Азии, которое в 1998 году ввело новый закон о религии и заявило о том, что исламский экстремизм – серьезная угроза национальной безопасности. В соответствии с законом, все религиозные объединения должны были пройти государственную регистрацию. Аналогичные законы, ограничивающие деятельность религиозных объединений, были приняты в Кыргызстане (2009 год), в Таджикистане (2009 год), в Казахстане (2011 год) и в Туркменистане (2016 год). В регионе правовая среда, которую создали Узбекистан и Таджикистан, оказалась

¹⁸ Adeeb Khalid. Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. 1-е изд., Издательство Калифорнийского университета, 2007, стр.169

самой враждебной по отношению к религии. Законы о религии устанавливают ограничения на то, кто может зарегистрировать легальную религиозную группу, и где могут функционировать мечети. Используя эти правила, правительства закрыли мечети и медресе. Таджикистан в 2011 году принял Закон об ответственности родителей, согласно которому в большинстве случаев дети, не достигшие 18-ти лет, не могут посещать мечети. Также, закон запрещает изучение ислама за рубежом без наличия специального разрешения правительства. Как и Россия, правительства стран Центральной Азии приняли законы об экстремизме и терроризме.¹⁹ Каждый режим утвердил определения терроризма и экстремизма, значение которых является таким же пространным и неопределенным, как и определения, данные в России.²⁰ К примеру, в Узбекистане терроризм определяют как "общественно опасное деяние". В Таджикистане к "экстремистским" преступлениям, которые определяются Законом об экстремизме 2003 года, относятся: унижение национального достоинства, несанкционированные митинги и призывы к свержению правительства. На основании Закона о международной свободе вероисповедания Госдепартамент США обозначил две страны Центральной Азии – Таджикистан и Туркменистан – как "страны, вызывающие особую озабоченность".

Конечно, Центральная Азия – не монолит, и степень государственного надзора за религиозным активизмом широко варьируется от страны к стране. В то время как гражданское общество находится под всеобщим контролем, кыргызстанские и в некоторой степени казахстанские организации имеют большую свободу действий, в то время как более централизованные режимы Узбекистана и Таджикистана сильно ограничивают источники финансирования и активно вмешиваются в повседневную деятельность гражданских групп.

В Таджикистане, ныне самой авторитарной из обсуждаемых стран, исламские организации обычно выступают в качестве рычага государства. По отношению к исламу Таджикистан придерживается сильно ограничительного и институционализированного подхода и использует его только для продвижения националистической повестки режима. Традиционные институты наподобие тех, что описываются выше, практически полностью курируются государством. Также, правительство играет определенную роль в ограничении деятельности иностранных субъектов. В 2012 и 2013 годах Совет Безопасности усложнил работу фондов, связанных с Саудовской Аравией, в стране. В то время как Ага Хан может действовать в стране, правительство по-прежнему обеспокоено его положением в качестве конкурирующего источника легитимности и поддержки среди памирцев, и поэтому оно сворачивает его деятельность.

¹⁹ Mariya Omelicheva. *Counterterrorism Policies in Central Asia*. Routledge, 2014; Edward Lemon и Oleg Antonov. "Authoritarian Legal Harmonization in the Post-Soviet Space." *Democratization*, изд. 27, № 7, 2020, стр. 1221–39.

²⁰ Stuart Horsman. "Themes in Official Discourses on Terrorism in Central Asia." *Third World Quarterly*, изд. 26, № 1, 2005, стр. 199–213.

Из-за того, что под руководством национал-популистского президента Садыра Жапарова, которому в октябре 2020 года в результате широко известного народного восстания преступные группировки помогли прийти к власти, Кыргызстан совершил поворот на авторитаризм, участники Диалога отметили, что, в то время как гражданское общество Бишкека поддерживает более либеральные политические, социальные и экономические ценности, оно может столкнуться и с дополнительными ограничениями. Исламское гражданское общество, основанное на традиционных или консервативных ценностях, которые были ключевой частью легитимности Жапарова, могло бы найти побольше ниш для своей деятельности.

Участники считают, что ключевой переменной в укреплении исламских гражданских сетей может стать относительная сила или слабость государств. Согласно исследованию, которое провели принявшие участие в Диалоге исследователи, для предоставления столь необходимых государственных услуг и расширения своих сетей слабые государства с высоким уровнем бедности наподобие Кыргызстана могут создать “оптимальные” условия для религиозных субъектов. Особенно сильно пандемия Covid-19 ударила по Кыргызстану, экономика которого сократилась на 10 процентов в 2020 году. Участники Диалога подчеркнули, что неэффективная реакция правительства на кризис в области общественного здравоохранения и его экономические последствия привели к усилению роли субъектов исламского гражданского общества. Например, один из участников рассказал о том, как местные религиозные лидеры и группы в Араване собрали деньги на покупку машин скорой помощи.

Диалог между формами гражданского общества

Те субъекты исламского гражданского общества, которые, как и муфтияты и мечети, обладают более тесными связями с государством смогли с большей легкостью получить финансирование Запада.

По мнению некоторых участников, “обычные” субъекты гражданского общества, которые, как правило, получают гранты от западных институтов и доноров, часто относятся к исламскому гражданскому обществу скептически и демонстрируют общее нежелание сотрудничать с ними. Различия частично носят экономический характер. Также, существуют опасения, что конкуренция за гранты повысится и что сотрудничество с исламскими организациями оттолкнет доноров. Но есть еще и идеологические соображения.

Часто гражданское общество, ориентированное на Запад, представляет своего исламского коллегу как участника процесса, чьи принципы противоречат западным ценностям и препятствуют социальному прогрессу. Содействие подобным опасениям несет в себе информационный пробел, который распространен среди многих участников этого процесса, и многие светские организации просто не знают о широком спектре благотворительной деятельности, которую осуществляют исламские коллеги.

Однако, предпринимаются и некоторые предварительные шаги по налаживанию сотрудничества в регионе. Так, в Кыргызстане с 2005 года с исламскими сообществами работает НПО "Развитие и сотрудничество в Центральной Азии" (DCCA). Оно создает группы самопомощи на юге страны. Во главе этих групп стоит имам. Исламское гражданское общество, в свою очередь, демонстрирует равную степень скептицизма по отношению к своим светским коллегам. В частности, за счет пространных моральных возражений против олигархических, авторитарных государств, которые утверждают, что представляют "демократические" ценности. Эта неспособность создать крупные коалиции отчасти связана с общим ослаблением гражданского общества в Центральной Азии, где региональные правительства создают значительные препятствия для его развития.

На протяжении многих лет исламское гражданское общество Центральной Азии установило широкий спектр финансового сотрудничества. По мнению Эмиля Насритдинова и Себстиена Пейруза, те субъекты исламского гражданского общества, которые, как и муфтияты и мечети, обладают более тесными связями с государством, смогли с большей легкостью получить финансирование Запада. Например, муфтият Кыргызстана сотрудничает с Агентством США по международному развитию и Фондом Евразия Центральной Азии. Но другие мусульманские страны оказались более прибыльным источником финансирования. Например, в Казахстане джамаат Нурсултан наладил отношения с Турцией, странами Ближнего Востока и Азербайджаном.

Другие пути сотрудничества, доступные для субъектов исламского гражданского общества, включают в себя сотрудничество с субъектами исламского гражданского общества, которые функционируют в регионе и за его пределами. В вопросах строительства мечетей и укрепления потенциала общин большинство организаций Центральной Азии продолжают сотрудничать с такими партнерами, как Саудовская Аравия и ОАЭ. Но такие крупные региональные организации, как Фонд Ага Хана, все еще обладают большим неиспользованным потенциалом, который может помочь в развитии партнерских отношений с местными субъектами исламского гражданского общества, которые функционируют на местном уровне.

В дополнение к сотрудничеству в государственном секторе участники отметили, что жесткий государственный контроль способствовал приватизации исламского активизма. В результате появилось больше пространства для сотрудничества исламского гражданского общества и частного сектора. Участники дискуссии отметили, что такое развитие наиболее актуально для Узбекистана, где мусульманские деловые круги предоставляют исламскому гражданскому обществу не только источники финансирования, но и материально-техническую и организационную поддержку, тем самым способствуя обучению персонала, разработке устойчивых финансовых моделей,

а также поощрению в работе над развитием делового сектора, который ориентирован на мусульман. Помимо этого, многие лидеры исламского гражданского общества – руководители или сотрудники частного сектора, которые являются источником профессиональной компетенции и специалистами в вопросах привлечения финансовых средств. Также, в этом кроется причина извлечения прибыли от исламской деятельности, что привело к тому, что в регионе появился успешный халяльный бизнес, а в мечетях и джамаатах появились центры, где члены делового сообщества могут неформально общаться. Некоторые участники также отметили явное неолиберальное влияние современного исламского гражданского общества в регионе. Во многих отношениях эти субъекты представляют собой приватизацию традиционного государства всеобщего благосостояния со своими неолиберальными моделями управления, которые опираются на широкий круг субъектов гражданского общества и стремятся к заполнению вакуума, который остался после отчуждения государственного сектора.

Исламское гражданское общество и стабильность в Центральной Азии

В основном, в последние годы финансирование западных доноров сосредоточено на предотвращении насильственного экстремизма (PVE) и противодействии насильственному экстремизму (CVE), что способствует разделению различных сегментов гражданского общества, т.к. светские ОГО вынуждены взаимодействовать с религией несмотря на то, что во многих случаях они с подозрением относятся к религиозным субъектам. Однако, согласно недавним исследованиям по мобилизации экстремистов, такое подозрение заключается в непонимании роли исламских сетей в общинах. Эта роль заключается в том, что общины удовлетворяют потребность человека в социальной поддержке тогда, когда у людей возникают проблемы личного характера, что в противном случае могло бы сделать членов общины уязвимыми перед вербовкой воинствующих и революционных организаций, а также могло сигнализировать бы об отсутствии диалога и взаимном недоверии между исламскими и либерально ориентированными организациями гражданского общества, сформированными в значительной степени стереотипами советской эпохи.

На протяжении нескольких лет финансирование западных доноров, в основном, сосредоточено на предотвращении насильственного экстремизма (PVE) и противодействии насильственному экстремизму (CVE).

Исламское гражданское общество обладает потенциалом для урегулирования конфликтов в регионе. Простой коллективной исламской идентичности, или уммы, может быть недостаточно для решения трансграничных и межэтнических конфликтов. Но при активном содействии определенных групп она может сыграть позитивную роль в урегулировании конфликтов. Например, “Таблиги Джамаат” сыграла активную роль в

снижении этнической напряженности в 2010 году в Узгене, Кыргызстан. В то время, как в соседних городах вспыхнуло насилие между этническими узбеками и кыргызами, Узген обошелся без этнического конфликта, хотя историческая напряженность 1990-го года привела к насилию в городе.

Заключение

В силу того, что исламское гражданское общество чрезвычайно разнообразно в своих целях, организационной структуре и базовых системах ценностей, часто бывает трудно дать определение его концепции. Некоторые участники Диалога по-прежнему скептически относятся к тому, является ли исламское гражданское общество полезной концепцией в случае, если принимать во внимание размытость границ между светским и религиозным гражданским обществом. Другие участники считают, что сама концепция является слишком широким понятием, которое означает гражданское общество салафитов, гражданское общество таблиги, гражданское общество исмаилитов и так далее. Тем не менее, проведенная серия групп помогла сократить исламское гражданское общество до 6 ключевых субъектов: исламские НПО; исламские благотворительные организации; джамааты; мечети; муфтияты; и махалли.

Несмотря на свое изначальное противоречие целям и задачам светского гражданского общества, процесс налаживания сотрудничества между этими субъектами оказался непростой задачей: на передний план вышли идеологические разногласия из-за социальных норм и озабоченность из-за подходов к финансированию. Но им есть чему поучиться друг у друга. Исламское гражданское общество оказалось особенно искусным в установлении финансовых отношений с частным сектором, а также в привлечении бизнес-лидеров мусульманского сообщества, что было необходимо для реструктуризации финансовых моделей и оказания помощи в обеспечении долгосрочной устойчивости и капиталом. Кроме того, исламские субъекты гражданского общества продемонстрировали способность сотрудничать друг с другом.

Но проблемы остаются. В особенности это касается отношений между исламским гражданским обществом и государством. Центральная Азия остается авторитарным регионом со светскими режимами, которые рассматривают религию как нечто, подлежащее ассимиляции и контролю. Это сузило пространство, через которое все формы независимого гражданского общества – особенно исламское гражданское общество – могут процветать и взаимодействовать непосредственно со своими общинами. Но государственная политика все больше отчуждается от отношений, регулируемых местными нормативными актами. Напористая светская политика противоречит требованиям местного населения, особенно молодежи, которая рассматривает религию как источник идентичности, сообщества и морального руководства. Попытки государства контролировать гражданское общество наталкиваются на граждан, которые все чаще организуют поддержку и создают

сообщества доверия без участия государства. Об этом свидетельствуют способы, с помощью которых общины взяли на себя ведущую роль в реагировании на пандемию Covid-19 и на столкновения на границе Кыргызстана и Таджикистана, в результате которых в апреле 2021 года свыше 50 000 человек остались без крова.

Участники Диалога согласились с тем, что исламское гражданское общество является значимым участником гражданского общества и эта тема еще недостаточно изучена. Дополнительно необходимо провести зондирующие исследования, которые могут помочь в составлении карты групп исламского гражданского общества, их работ и источников поддержки. С целью определения таких областей сотрудничества, как PVE, есть необходимость и в осуществлении дальнейших шагов по развитию диалога между исламским гражданским обществом и его светскими партнерами. Доноры могли бы продумать пути создания новых моделей финансирования, которые бы учитывали мнение и интересы со стороны заинтересованных сторон, представляющих исламское гражданское общество. Понимание этих новых форм гражданского общества станет критически важным для поиска путей укрепления доверия в сообществах, которые повышают вовлеченность граждан, предоставляют услуги, отвечающие местным потребностям, и повышают безопасность.

Фотография на обложке: памятник Шахи-Зинда, Самарканд, Узбекистан [Евгений Агарков](#).

Центр международного диалога им. Холлингса – некоммерческая неправительственная организация, задачей которой является содействие диалогу между США и странами с преимущественно мусульманским населением на Ближнем Востоке, в Северной Африке, Южной Азии, Евразии и Европе. В этих целях Центр Холлингса организует конференции для поиска новых подходов к важнейшим международным вопросам и развития контактов между лидерами общественного мнения и экспертами. Центр Холлингса базируется в Вашингтоне (США) и имеет отделение в Стамбуле (Турция).

Больше информации о миссии, истории и финансировании Центра Холлингса можно получить по адресу:

<http://www.hollingscenter.org/about/mission-and-approach>
info@hollingscenter.org

«Общество Оксус по Центральной Азии» – некоммерческая организация, учрежденная в Вашингтоне в 2020 году с целью содействия развитию академического обмена между Центральной Азией и остальными регионами мира. "Общество Оксус" объединяет широкий круг ученых, журналистов, активистов, предпринимателей и государственных деятелей

для того, чтобы привлечь внимание к недостаточно освещенным вопросам местного и глобального значения. Фокусируя свою деятельность на развивающейся Азии, "Общество Оксус" выходит за рамки стереотипов, которые сложились среди приверженцев евроцентризма о регионе, и стремится к тому, чтобы на первом плане оказались новые голоса, а также был построен настоящий диалог. "Общество Оксус" служит платформой, на которой начинающие исследователи, практики и признанные ученые могут презентовать свои работы вниманию широкой общественности и публиковать свои исследования. "Общество Оксус" хранит исходные данные и разрабатывает аналитические инструменты для более углубленного понимания последних разработок в регионе. Его программы руководят специалисты из разных уголков планеты. И все эти программы аполитичны. С помощью подобной деятельности "Общество Оксус" стремится к укреплению сетей обмена знаниями между широким кругом людей и институтами.

Больше информации об "Общество Оксус по Центральной Азии" можно получить по адресу:
<https://oxussociety.org/>

*Благодарим за оказанную программную поддержку Европейский Совет добрососедства:
ENCouncil.org.

